

ПОНЯТИЕ “РОД” В КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ И ФОЛЬКЛОРНОЙ КАРТИНАХ МИРА

Цель данной статьи – определить место понятия **род** в фольклорной картине мира. В связи с этой целью возникают следующие задачи:

- 1) договориться об определении категорий “понятие” и “концепт” в данной работе;
 - 2) определить, к какой из данных категорий относится **род** в концептуальной картине мира;
 - 3) соотнести концептуальное значение **рода** с фольклорным.
- Фольклорная картина мира, являясь частью языковой картины

мира, отличается от наивной [Апресян 1995] спецификой отражения в языке концептуальной картины мира [Иванова 2002].

1. В современном языкознании нет единого мнения относительно определения таких категорий, как *концепт* и *понятие*.

Ю.С. Степанов отмечает, что “по своей внутренней форме в русском языке слова концепт и понятие одинаковы...” [Степанов 1997: 40], но изначально это термины разных наук: первый – термин философии и логики, второй – термин языкознания.

С философской точки зрения *концепт* – “содержание понятия в отвлечении от языковой формы его выражения”, концепт актуализирует отраженную в понятии онтологическую его составляющую [Новейший философский словарь 1998: 331].

Концепт – это ядро понятия, его “интенционал” [Никитин 1988: 50], это признаки, общие для класса вещей, составляющих объем понятия. Такое понимание *концепта* не предполагает наличия у него определенной, закреплённой за ним словесной формы выражения.

В качестве основного признака, отделяющего лингвистическое понимание концепта от логического, С.Г. Воркачев выделил закреплённость концепта за определенным способом языковой реализации [Воркачев, 2002].

В лингвистической науке под концептом чаще всего понимается ментальное образование, понятие, выраженное языковыми средствами. Но всякое ли понятие может быть названо концептом?

С.А. Аскольдов определяет *концепт* как акт, намечающий “вполне определенную мысленную обработку конкретностей определенного рода” [Аскольдов 1997: 272]. Для исследователя *концепт* – это мысленное образование, которое замещает в процессе мысли неопределённое множество предметов одного и того же рода.

С.Г. Воркачев выделил три подхода к пониманию концепта [Воркачев, 2002: 6], которые можно свести к двум основным: 1) концептом может быть всякое слово, выражающее какое-либо понятие; 2) концепт – это абстрактное, культурно значимое понятие.

Основоположником одного из подходов является Д.С. Лихачев, который в статье “Концептосфера русского языка” определяет *концепт* как ментальное образование, которое замещает множество сходных предметов. По мнению Д.С. Лихачева, для каждого основного значения слова существует свой концепт, концепт – это “своего рода “алгебраическое” выражение значения” слова [Д.С. Лихачев 1993: 4]. Концепт, по мнению исследователя, это результат соединения значения слова с личным опытом человека. Согласно данной точ-

ке зрения, концепт может выражаться любым словом, в значение которого отражено национальное сознание. Такие концепты объединяются в особое пространство, концептосферу, образуя “наивную картину мира”.

Лингвисты, придерживаясь приведенного понимания концепта, соотносят его с определенной, фиксированной формой выражения [Вежбицкая 1997; Никитина 1991; Кукушкина, Никитина 2001; Телия 1996; Толстая 2000].

С.Е. Никитина определяет концепт как ключевое культурное слово, знание, выраженное в определенных языковых формах (словах, словосочетаниях) [Никитина 1991: 117]. По мнению, С.М. Толстой, концепт – это семантическое представление культурного слова, а слово – это знак концепта [Толстая 2000: 103]. Концепт, в понимании В.Н. Телии, это знание об обозначаемом во всех его связях и отношениях, и он отвечает на вопрос “что известно об этом?” [Телия 1996: 100].

Приведенные выше определения концепта объединяет то, что они привязывают концепт к определенной языковой форме выражения и не ограничивают количество концептов.

Представители другого подхода относят к культурным концептам “имена абстрактных понятий, в семантике которых сигнификативный аспект преобладает над денотативным: они не имеют вещественной “опоры” во внеязыковой действительности в виде предметных реалий – денотатов” [Язык и культура, 1999: 35]. При таком подходе количество концептов сильно ограничивается, но именно они составляют самосознание нации, ее единство. С.Г. Воркачев называет данные концепты метафизическими концептами, сущностями “высокой либо предельной степени абстрактности” [Воркачев, 2002: 6].

С точки зрения Ю.С. Степанова, концепт – основополагающее понятие культуры, включающее в себя идеи, возникшие в разное время. “Концепт скрывает за собой, позади себя всю сложность и все обилие словарного смысла <...> облегчает общение с помощью языка, как облегчает алгебра арифметические действия” [Степанов 1997: 6].

Общее для трех приведенных подходов – признание того, что концепт: 1) как содержание понятия включает в себя все разнообразие ассоциативных связей данного понятия в культурном контексте; 2) как содержание языковой единицы указывает на место данной единицы “в лексической системе языка: его парадигматические, синтагматические и словообразовательные связи” [Воркачев, 2002].

2. Замыслу данной статьи ближе понимание концепта как абстрактного понятия, ментального образования, общего для сознания нации. Концепт включает в себя идеи, возникшие в разное время, в разные эпохи, хронология не играет при этом роли. Концепт остается культурно значимым во все времена, кроме того, он обогащается различными мифами и ассоциативными связями.

Слово можно назвать концептом постольку, поскольку оно выражает глобальное культурное концептуально важное понятие, Ю.С. Степанов назвал такие концепты ядерными. Концепт в языке, как архетип в литературе, – коллективное бессознательное. В языковой картине мира концепт реализуется в качестве фрейма “структуры данных, предназначенной для репрезентации в голове человека определенной стереотипной ситуации” [Язык и структуры представления знаний 1992: 91].

Необходимо отметить, что если практически все лексемы выражают понятия, то концепты, в силу их ограниченного количества, выражаются немногими лексемами. К их числу относят: ЛЮБОВЬ, СЧАСТЬЕ, СВОБОДА, ДУША, ЖИЗНЬ/СМЕРТЬ, СВОЕ/ЧУЖОЕ.

Концепт, являясь общим, глобальным понятием, включает в себя ряд частных понятий, Ю.С. Степанов определил их как базовые и производные концепты. Следует сказать, что не всякое слово может быть концептом, но концептуальная составляющая может быть в любом слове.

Оппозиция СВОЙ/ЧУЖОЙ является одной из основных “бинарных оппозиций” [Толстой 1995] мировой и русской культуры.

Ю.М. Лотман писал, что “всякая культура начинается с разбиения мира на внутреннее (“свое”) пространство и внешнее (“их”) <...> само разбиение принадлежит к универсалиям <...> Граница может <...> иметь государственный, социальный, национальный, конфессиональный или какой-либо иной характер” [Лотман 1999: 175].

Концепт СВОЙ/ЧУЖОЙ включает в себя множество понятий, в русской культуре к числу таких понятий относятся: **родина, род, дом, семья, родные** и т. д. [Колесов 1986]. Концептуальная составляющая СВОЙ/ЧУЖОЙ может присутствовать в огромном количестве слов в определенном контексте, подразумевающим разграничение своего и чужого.

3. Фольклорное пространство образует единый текст со своей картиной мира, которая особым образом отражает народные представления. В фольклорной картине мира особым образом выражены понятия, концепты. Тексты одного фольклорного жанра выстраивают

“фрагмент или проекцию общей фольклорной и мифологической картины народного мировидения так, как она представлена именно в этом жанре” [Никитина 1993: 65]. Каждый жанр по-своему моделирует действительность и отражает ее.

Мы считаем, чтобы определить, какое место понятие **род** занимает в фольклорной картине мира, необходимо сначала описать, как воплощается данное понятие в отдельных фольклорных жанрах (эпическом, лирическом, паремийном, фразеологическом).

3.1. Как показало исследование, в **эпической картине мира** понятие **род** имеет статус концепта. С.А. Аскольдов писал о заместительной функции концепта, о том, что он является единством понятий в определенном аспекте. Единство понятий заключается в единстве точки зрения, которое “заключено в единстве сознания” [Аскольдов 1997: 272]. В эпической картине мира было единство точки зрения на все родственное, СВОЕ. Формально в былинных текстах понятие **род** выражается лексемой *род*, которая в эпическом пространстве имеет семь значений: “ряд поколений, родня”; “родство по рождению”; “родина”; “свет, жизнь”; “судьба”; “происхождение”; “сущность, природное свойство”, – каждое из которых является отдельным понятием. Данные понятия в эпосе неразрывно связаны и воплощены в общем понятии **рода**. В текстах былин, когда лексема *род* функционирует в одном из семи приведенных значений, другие значения также частично присутствуют в слове. Например:

Ты скажи, скажи, девица-душа красная:

Ты какого ты *роду*, какого *племени*,

Ты какой же *земли*, какого *города*?

(Козарин)

Какой ты *земли*, какой *родины*,

Да какого *отца-матери*,

Как тебя, молодца, да *именем зовут*.

Да какого ты *роду-племени*?

(Козарин)

В понятие *род-племя* входят значения “родина”, “родители”, “происхождение”, “имя”. Также в значении данного сочетания содержится компонент смысла “ряд поколений, принадлежность к роду, племени”.

В былинах концепт **рода** представляет собой определенную модель разграничения СВОИХ и ЧУЖИХ. Если рассмотреть лексему *род* с композиционной точки зрения, то можно заметить, что данная

лексема встречается в текстах в определенных местах, чаще всего в диалогах. Например, вопрос о “роде-племени” задает ситуацию узнавания/неузнавания родственника, служит сигналом данной ситуации, от ответа на данный вопрос зависит дальнейшее развитие сюжета. Ответ на вопрос о “роде-племени” определяет поведение героя, которое является стереотипным, заранее смоделированным. Например, в былине “Илья Муромец и Сокольник” Илья, спросив у Сокольника, какого тот роду, узнает в нем сына и не убивает его.

3.2. Паремийные тексты отражают процесс разделения отдельных понятий, составляющих концепт **род**, значения превратились в понятия. В паремийной картине мира частные понятия, эпические значения лексемы *род* (родня, родина, наследственное качество, единство с родом) приобретают статус самостоятельных понятий со своими значениями.

Интересно заметить, что в паремийных текстах само понятие **рода** трансформируется в понятие “наследственного качества” и присутствует имплицитно, закреплено во внутренней форме паремии: *Что засело в костях, того из мяса не выколотишь*. Также понятие **рода** является объединяющим началом для понятий, выраженных словесно (родня, родина), присутствуя в каждом из них.

Можно говорить о том, что в паремиях образуется семантическое поле, схематизация человеческого представления о системе **род** в аспекте оппозиции СВОЕ/ЧУЖОЕ, которая в паремиях представлена в качестве оппозиций “родные/неродные” (мать/мачеха) и “кровные/некровные” (сын/зять) родственники, а также “родина/чужбина”. Такой тип семантического поля, представляющего “набор слов, каждое из которых обозначает определенную часть или аспект некоторого концептуального или акционального целого” [Язык и структура представления знаний 1992: 118], Ч. Филлмор назвал фреймом.

Во фразеологизмах понятие **рода** полностью утрачивает статус концепта. В этих языковых единицах отражено современное осмысление понятия **род**: количество значений слова *род* уменьшается, происходит развитие значений к более абстрактным (*своего рода; в этом роде*). Но интересно заметить, что смысловое ядро лексемы *род* остается неизменным – “общность, совокупность”. Отразились в какой-то степени архаические черты в понимании *рода* (*род-племя*).

Если сопоставить картины мира рассмотренных фольклорных жанров с точки зрения воплощения в них концепта **рода**, можно получить определенный фрагмент фольклорной картины мира, отражающей различное понимание данного понятия. Эпос отражает на-

чальный этап письменного существования понятия **род**, включает историю этого понятия. В паремиях отражено прагматическое понимание **рода**. Но и в былинах, и в паремиях с родом связан определенный набор предписаний, схем поведения. Фразеологизмы дают представление о современном значении понятия **род**, о развитии значения от конкретного к абстрактному.

Все вышесказанное можно изобразить в виде графической последовательности, которая иллюстрирует процесс изменения понятия **род** в фольклорной картине мира:

Свой (концепт)

→ **род** (слово-концепт, имеющее 7 значений): эпос

→ **родственники, родина, наследственное качество** (значение “связь с родом” → слово-понятие, понятие): паремии

→ **род** (слово-понятие): фразеологизмы (уменьшение значений, развитие абстрактности).

ЛИТЕРАТУРА

Апресян Ю.Д. Избранные труды. Лексическая семантика. М., 1995. Т. 1

Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология. М., 1997. С. 267–279.

Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М., 1997.

Воркачев С.Г. Методологические основания лингвоконцептологии // Теоретическая и прикладная лингвистика: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 3. Аспекты метакоммуникативной деятельности. Воронеж, 2002. С. 79–95.

Иванова Е.В. Пословичные картины мира (на материале английских и русских пословиц). СПб., 2002.

Колесов В.В. Человек в культуре Древней Руси. Л., 1986.

Кукушкина Е.Ю., Никитина С.Е. Еще раз об описании слова в тезаурусе: фольклорный “батюшка” // Проблемы прикладной лингвистики. М., 2001. С. 48–65.

Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка / Серия литературы и языка. Т. 52. № 1. М., 1993.

Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – Текст – Семиосфера – История. М., 1999.

Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения. М., 1988.

Никитина С.Е. О концептуальном анализе в народной культу-

ре // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991. С. 117–124.

Никитина С.Е. Устная народная культура и языковое сознание. М., 1993.

Новейший философский словарь. Минск, 1998.

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М., 1997.

Телия В.Н. Русская фразеология. М., 1996.

Толстая С.М. Слово в контексте народной культуры // Язык как средство трансляции культуры. М., 2000. С. 101–111

Толстой Н.И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.

Язык и культура. М., 1999.

Язык и структуры представления знаний. М., 1992.